

Октябрь в Ханчжоу уже принес прохладу, особенно по вечерам. Когда я вышел из ванной, в гостиной меня встретил ветерок, доносивший с балкона аромат османтуса, и я невольно вздрогнул. На ходу я подхватил кремовое банное полотенце, висевшее у двери ванной, и небрежно обернул его вокруг пояса. Капли воды стекали с кончиков волос, оставляя на полу крошечные влажные следы. Когда я только переехал, Шэнь Чжися специально постелил у входа в ванную нескользящий коврик, говоря, что боится, как бы я не поскользнулся после душа. Сейчас, ступая на него, я всё еще чувствовал исходящее от коврика тепло.

В гостиной свет был выключен, горел только торшер на балконе. Его мягкий желтоватый свет падал на пол под углом, словно застилая всё вокруг тонкой вуалью. Вытирая волосы, я направился в сторону спальни. Как только я оказался в центре гостиной, дверь гостевой комнаты с щелчком отворилась.

Вышел Шэнь Чжися. В руках он держал кисть, кончик которой был испачкан темно-синей краской — должно быть, он только что закончил рисовать ночное небо. Он явно не ожидал кого-то увидеть в гостиной и замер. Когда его взгляд упал на меня, он опешил: рука, державшая кисть, слегка сжалась, а дыхание стало прерывистым.

Я тоже растерялся и застыл на месте, так и держа полотенце у кончиков волос. Банное полотенце едва прикрывало пояс, а обнаженные предплечья и лодыжки, покрытые каплями воды, слегка поблескивали в свете лампы. Раньше я несколько лет занимался плаванием, поэтому линии плеч и спины были довольно четкими, и теперь, подчеркнутые полотенцем, они выглядели довольно заметно.

Прости, не заметил, что ты в гостиной. — Он первым пришел в себя, поспешно отвел взгляд в сторону ночного неба за балконом, хотя кончики его ушей предательски покраснели, а голос прозвучал тише обычного. — Я... я вышел попить воды.

Ничего страшного. — Мне тоже стало неловко, и я поспешно накинул полотенце на плечо, прикрывая кожу. — Я только что из душа, иду в спальню. — Сказав это, я направился к комнате, прибавив шагу: мне хотелось поскорее уйти, чтобы не чувствовать себя еще более стесненно.

Только я подошел к двери спальни, как услышал за спиной его тихий голос: Постой. — Я обернулся. Он уже дошел до дивана, взял лежавшую на нем куртку и быстрым шагом направился ко мне. — Вечером прохладно, накинь, не простудись.

От куртки исходил его запах — тонкий аромат скипидара вперемешку со свежестью стирального порошка. Очень чистый запах. Я взял куртку, и мои пальцы коснулись его руки. Кончики его пальцев были прохладными — должно быть, он слишком долго просидел в мастерской. Спасибо, — тихо сказал я и поспешно накинул куртку на плечи. Широкая ткань как раз скрыла банное полотенце, и неловкость немного отступила.

Он больше ничего не сказал, лишь кивнул и повернулся к кухне. Его шаги были медленнее обычного, а силуэт в свете ламп казался несколько скованным. Я стоял у двери спальни и

смотрел, как он скрывается за кухонной дверью, и только тогда выдохнул. Я коснулся своих пылающих ушей: взгляд, который он бросил на меня минуту назад, был полон смущения и каких-то невыразимых чувств, словно рябь, пробежавшая по озерной глади от порыва ветра — едва заметная, но не желающая утихать.

Вернувшись в спальню, я положил куртку на кровать. Заметив на ткани едва различимые следы краски, я невольно улыбнулся — должно быть, случайно испачкался, пока рисовал. Едва я высушил волосы, как в дверь постучали. Я открыл ее и увидел Шэнь Чжися с чашкой горячего молока, от которой поднимался пар.

Только что подогрел, выпей, чтобы согреться. — Он протянул мне молоко, избегая смотреть на меня и уставившись на чашку в моих руках. — Волосы высушил? Ложиться спать с мокрыми волосами вредно, заболит голова.

Да, все готово, спасибо тебе. — Я взял молоко, и тепло чашки передалось моим пальцам, согревая изнутри. Он стоял у двери, не входя, и тихо произнес: Тогда отдыхай, а я... я пойду дальше рисовать.

Хорошо, только не засиживайся допоздна. — Я кивнул, провожая взглядом, как он вернулся в гостевую комнату и тихо прикрыл за собой дверь.

Закрыв дверь, я сел на кровать, обхватив ладонями горячую чашку, и посмотрел на лунный свет за окном. Сцена в гостиной вновь всплыла в памяти: его покрасневшие уши, растерянный взгляд и осторожность, с которой он протягивал мне куртку — всё это вызывало странные чувства. Раньше я считал нас просто хорошими друзьями и соседями по квартире, но после того мгновенного зрительного контакта что-то внутри тихо изменилось, словно у листьев лотоса на Западном озере незаметно проклюнулись новые нежные побеги.

Допив молоко, я поставил чашку на прикроватную тумбочку, взял протянутую им куртку, аккуратно сложил ее и положил рядом с подушкой. От нее исходил приятный запах, который дарил спокойствие. Я лег в постель, размышляя о случившемся, и уголки моих губ невольно поползли вверх — быть может, это время совместного проживания преподнесет мне куда больше сюрпризов, чем я мог себе представить.

На следующее утро, когда я проснулся, на обеденном столе в гостиной уже ждал завтрак: мой любимый каша из фиолетового батата и чайное яйцо. Шэнь Чжися сидел на диване со скетчбуком в руках, рисуя дерево османтуса за балконом. Солнечный свет падал на него, окрашивая профиль в теплые золотистые тона.

С добрым утром, — я подошел и сел рядом. — Каша сегодня очень вкусная.

Раз нравится — ешь больше. — Он поднял голову и улыбнулся. В его глазах больше не было вчерашней неловкости, осталась лишь привычная мягкость. — Кстати, вчерашнюю куртку я постирал, она на стуле у твоей двери.

Спасибо, — я почувствовал, как на душе стало тепло. Глядя, с каким усердием он рисует, я вдруг подумал, что вчерашний маленький эпизод был похож на рябь на Западном озере: пусть кратковременную, но оставившую легкий след в сердце, отчего эти дни стали еще нежнее и памятнее.

<http://bllate.org/book/21838/2263490>